

Ю.М. Юмашев

РАЗВИТИЕ «ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕИ» ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ «ПАНЕВРОПЫ» КУДЕНХОВА–КАЛЕРГИ ДО «НЕОФУНКЦИОНАЛИЗМА» Э. ХААСА И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ИНТЕГРАЦИИ А. МОРАВЧИКА

Аннотация. В статье прослеживается эволюция «Европейской» идеи от Первой мировой войны до наших дней. Анализируются доктринальные взгляды и концепции Р. Куденхова-Калерги, А. Бриана, У. Моргантау, Д. Митрани, Ж. Моне, Э. Хааса, А. Моравчика и других, определившие развитие современного Европейского Союза.

Ключевые слова. Лига Наций, Европейский Союз, «Европейская» идея, доктрины объединения Европы, Р. Куденхова-Калерги, А. Бриан, У. Моргантау, Д. Митрани, Ж. Моне, Э. Хаас, А. Моравчик.

Пан-Европа Р. Куденхова–Калерги (1894-1972 гг.)

Первая мировая война разрушила империи. Вмешательство США на стороне Антанты оказало решающее влияние на исход войны и показало, что старая Европа уступает место «Западной Европе», или Атлантической.

Вудро Вильсон, тогдашний президент США внес новый элемент в мировую политику, основанную скорее на моральных принципах, чем на силе. Для него главное было не столько победа над Германией, сколько спасти мир для демократии. 8 января 1918 г. он произнес речь в Конгрессе, в которой провозгласил 14 пунктов мирных условий. В частности, он потребовал отказа от тайной дипломатии, свободы морей и торговли, ограничения вооружений, справедливого урегулирования притязаний, самостоятельного развития народов Австро-Венгрии, лишения Германии колоний в Африке, а главное — создания Лиги Наций «... на основе особых статутов в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств» (пункт 14). Её цель — сохранение всеобщего мира и решения европейских проблем. Однако конгресс США проголосовал против участия США в Лиге наций и не ратифицировали Версальский договор. Наоборот, страна стала проводить политику изоляционизма.

Устав Лиги наций стал частью Версальского договора. Союзники США согласились подписать этот договор на основе 14 пунктов Вильсона, но только без свободы морей и с условием о возмещении Германией всех убытков гражданам, а не союзным государствам.

28 июня 1919 г. Версальский мирный договор был подписан сторонами. К 10 января 1920 г. он был рати-

фицирован четырьмя главными союзными державами и, таким образом, принял обязательную международную силу (в общей сложности, 440 статей). Следует отметить, что официальными языками были французский и английский. Тексты договора на этих языках были признаны аутентичными, но содержание одних и тех же терминов в этих языках имеет различный смысл, что создавало большие трудности, как для стран-победительниц, так и побежденных.

В результате поражения Германии и развала империй, в первую очередь Австро-Венгерской и Российской, в Европе было создано много новых государств, что могло стать причиной новых военных конфликтов. Поэтому в послевоенный период появились проекты объединения Европы во имя сохранения мира. Одним из наиболее влиятельных был проект «Паневропейского союза», разработанный Рихардом Куденховым-Калерги¹. После Первой мировой войны с её десяти миллионами погибших на полях сражений и мирных жителей в Европе царил упаднический интеллектуальный климат. Достаточно вспомнить «Закат Европы» О. Шпенглера, «потерянное поколение», воспетое Э. Хемингуэем и Э.-М. Ремарком, которые сами принадлежали к этому поколению. В таких условиях казалось, что В.Вильсон и Лига наций принесут стабильность и мир на континент. Однако первые шаги первой универсальной международной организации разочаровали Р. Куденхова-Калерги (в тот период 23-х летнего молодого человека). Он полагал, что создание этой организации положит начало «Соединенным Штатам

¹ Р. Куденхов-Калерги (1894-1972 гг.) родился в Токио в многодетной семье рафинированно образованного карьерно-австрийского дипломата и японки. Второй ребенок среди шестерых своих братьев и сестер он воспитывался в европейско-азиатских культурных традициях. И это оказало сильное влияние на его мировоззрение, хотя родители воспитывали детей, как «истинных европейцев».

Мира», в которых все индивиды и народы, угнетаемые до сих пор, станут свободными и обеспечат прочный мир на планете.

Этого не произошло. И восторженность Р. Куденхова–Калерги сменилась разочарованием в новом международном порядке, в котором, по его мнению, изначально были заложены ростки реваншизма и вражды между европейскими соседями. Он был убежден, что господство белой расы кончилось. Необходима модернизация политической системы Европы путем широкомасштабного сотрудничества европейских стран на демократических принципах. В 1923 г. в возрасте 27 лет он опубликовал книгу «Паневропа», которая мгновенно сделала его знаменитым. Чеканные формулировки, ясно выраженные мысли, пламенные призывы к читателям принесли этой книге коммерческий успех. Она легла в основу создания общеевропейской институциональной структуры «Паневропейский союз» и движения за объединение Европы, явившихся прообразом и инструментом практической реализации «Европейской идеи» после Второй мировой войны².

Феерический успех принципов и постулатов, изложенных в книге «Паневропа», их долговечность и преемственность не в последнюю очередь объясняются неординарной личностью автора, его образом мышления и воспитанием. Вот как сам он описывает своё видение Европы: «Будучи детьми европейца и азиатки, мы мыслили не в категориях отдельных наций, а в категориях континента в целом. Мать была для нас воплощением Азии, отец — Европы. Нам было трудно идентифицировать себя с какой-либо отдельной нацией. Так что Европу мы воспринимали, как единое целое, как страну нашего отца».

Не следует забывать также, что такому космополитическому восприятию Европы Куденховым–Калерги во многом способствовал тот факт, что его родиной была многонациональная Австро-Венгрия³. Космополитический образ мышления дополнялся у него новым взглядом на место и роль аристократии в политической и общественной жизни послевоенной Европы. Для него новая аристократия — это «аристократия духа», которая должна составлять правящую элиту современного общества и которую он противопоставлял массам.

Таким образом, первому «паневропейцу» был присущ космополитический образ мышления, в котором

напротив отсутствовали националистические элементы. Кроме того, он был убежден, что движущей силой строительства «единой Европы» должна стать «аристократия духа», составляющая основу правящих элит европейских стран.

Программа Р. Куденхова–Калерги для «Паневропы» включала 9 основных пунктов:

- создание европейского союза равноправных государств, в котором должна быть гарантирована безопасность и самостоятельность каждого из них;
- создание единой союзной судебной инстанции для решения возможных межгосударственных конфликтов;
- создание общеевропейского воинского контингента, как инструмента поддержания мира и всеобщего разоружения;
- создание таможенного союза;
- взаимное открытие колоний для свободы торговли;
- создание единой валюты;
- сохранение культурной идентичности стран-участниц «Паневропейского Союза» как его основы;
- защита национальных и религиозных меньшинств путем принятия общеевропейской «Великой хартии терпимости»⁴ (Magna Carta of Tolerance)⁵;
- сотрудничество с Лигой наций⁶.

Р. Куденхов–Калерги одним из первых (если не первым) стал считать, что Турция Камалы Ататюрка может стать участником «Паневропейского Союза».

В то же время Англии и России там места нет. Англии — из-за её колоний. Это ограничение должно было действовать до предоставления колониям независимости, после чего путь в «Паневропейский Союз» для неё мог быть будет открыт. Что и произошло сорок лет спустя в 1960-е гг. После развала колониальной системы Великобритания стала в 1973 г. государством-членом Европейского Союза.

⁴ Он полагал, что в долгосрочной перспективе напряженность национальных и этнических проблем может быть уменьшена благодаря экономической и политической интеграции и расширению влияния демократических принципов, что приведет к ослаблению различий между гражданством и национальной принадлежностью и к постепенной отмене государственных границ. – The history of the idea of Europe (ed. by K. Wilson, J. van der Dussen), L., 1999, p. 99.

⁵ По аналогии с «Великой хартией Вольностей» Иоанна Безземельного (1215 г.) – одним из ранних источников прав человека.

⁶ В качестве эмблемы «Паневропейского союза» служил красный крест на фоне солнца, которая по мысли Р.Куденхова–Калерги должна была символизировать единение древнегреческой и христианской цивилизаций в качестве твердой основы европейской культуры. – J.-L. Chabot, “Aux origines intellectuelles de L’Union europe’enne”, Grenoble, 2005, p. 43.

² Как не вспомнить здесь первые строки «Евангелия от Иоанна» «Вначале было Слово. И Слово было у Бога. И слово было Бог. Через Него всё начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. (гл. 1, стихи 1, 2, 3).

³ Чувство принадлежности к «двуединой империи» он сохранил на всю жизнь.

Участие России в «Паневропейском Союзе» он считал неприемлемым по другой причине. Россия отвернулась от демократических принципов. Её отделяют от «Паневропы» новые восточноевропейские демократии. На тот период, впрочем, почти, как и сейчас, это были — Финляндия, прибалтийские страны, Польша, Венгрия, Чехословакия (в наши дни — Чехия и Словакия) и т.д. Кроме того, с его точки зрения, Россия скорее евразийское единое пространство, которое на политической арене представляет собой самостоятельный центр силы. И он утверждал, что независимо от того, станет ли Россия после окончания Гражданской войны белой или красной, она всегда будет стремиться к гегемонии. В ней в результате революционного хаоса появится новый Наполеон, который сузит границы Европы до Рейна.

Большое значение Р. Куденхов–Калерги придавал использованию в «Паневропейском Союзе» общего языка в качестве средства международного общения. Таковым, по его мнению, должен был стать английский язык, ведущую роль которого в этом аспекте он считал неоспоримой. Большое значение придавалось и образованию. Именно оно должно выявить и высветить общие европейские корни всех национальных культур и показать, что различные национальные школы — это «ветви одного дерева».⁷

Не исключал Р. Куденхов–Калерги и возможность делегирования странами-участницами «Паневропейского Союза» части своего суверенитета Союзу в интересах процветания самих стран-участниц и укрепления Союза, как такового.

Наконец, он отводил исключительно важную роль франко-германскому сотрудничеству в эффективном функционировании «Паневропейского Союза». И добился в этом плане больших практических успехов. В частности, Союз имел между двумя мировыми войнами отделения во всех 26 странах Европы. В их деятельности принимали активное участие многие ведущие политические и общественные деятели демократического толка той эпохи, включая К. Аденауэра и Ж. Помпиду, которые, став лидерами Германии и Франции в 1950-1970-е гг., стояли у истоков создания нынешнего Европейского Союза.

⁷ В этом вопросе он следовал теории И. Гердера, согласно которой народ чувствует патриотизм на многих уровнях, расположенных в виде концентрических кругов, от семьи и деревни до региона и наконец, до своей страны. Но для Р. Куденхова–Калерги Европа — настоящая родина. И через неё европеец чувствует причастность к западной цивилизации и расе и, в конце концов, ко всему человечеству. И соответственно, у него — Европа, как континент, а не нация служит социо-культурным конститутивным элементом.

«Паневропейский Союз» Р. Куденхова-Калерги должен был существовать на основе принципов парламентской демократии и суверенного равенства его государств-членов.

Основная функция «Паневропы» заключалась в обеспечении мира путем создания наднациональных структур, включая и судебную инстанцию, и осуществления многостороннего сотрудничества.

Второй функцией, тесно связанной с первой, было создание европейской экономики на основе «общего рынка» без внутренних таможенных барьеров. Только так, по мнению Р. Куденхова-Калерги, «Паневропа» сможет занять доминирующее положение в мире.

Аристид Бриан и его Меморандум

Р. Куденхов-Калерги был убежден, что его идея «Паневропы» на практике может быть реализована прежде всего с помощью политических средств. Поэтому он стремился привлечь на свою сторону видных деятелей из правящих и культурных элит ведущих европейских стран, прежде всего Франции и Германии. Именно установлению тесного сотрудничества между этими странами и принятию Германией в Лигу Наций он придавал особое значение, поскольку видел в этом решающий фактор установления прочного мира в Европе и политическую основу для дальнейшего развития своей «паневропейской» идеи.

В 1926 г. был заключен Локарнский договор, подписанный Францией, Бельгией, Италией, Германией и Англией. Договор гарантировал нерушимость границ в Западной Европе и открывал путь Германии в Лигу Наций. Договор символизировал также «примирение» и сближение между «вечными» врагами Францией и Германией благодаря сотрудничеству между тогдашним французским министром иностранных дел Аристом Брианом (1862-1932 гг.) и министром иностранных дел Веймарской Республики Густавом Штресманом (1878-1929 гг.)⁸.

В 1929 г. А. Бриан выступил в Лиге Наций с призывом «создать федеративные связи между европейскими государствами» и выдвинул прямую политическую инициативу обсудить возможность «европейского единства» на основе географического критерия. При этом подчеркивался экономический характер таких федеральных связей, их полезность с социальной и политической точек зрения и, самое главное, тот факт, что

⁸ Аристид Бриан кроме прочего был инициатором Пакта Бриана-Келлога об отказе от использования войн в качестве средства решения международных конфликтов. И Бриан, и Штресман стали лауреатами Нобелевской премии мира в 1926 г.

эти связи не будут затрагивать суверенитета входящих в объединение государств.

Более детально свои объединительные идеи А. Бриан изложил в мае 1930 г. (опубликован 17 мая 1930 г.) в Меморандуме о создании Европейского Союза. В нем говорилось о «нравственном союзе (moral union) Европы» и в общих чертах были намечены принципы и юридические механизмы, посредством которых этого можно было достичь. Однако, в отличие от речи в Лиге Наций в 1929 г. А. Бриан в «Меморандуме», как и Р. Куденхов-Калерги, отдаёт явное предпочтение политическому сотрудничеству, как основному инструменту достижения мира и безопасности, и ставит экономические вопросы в зависимость от политики⁹. Причем политическое сближение рассматривается им, как предварительное условие создания европейского общего рынка на основе таможенного союза.

В институциональном плане предлагалось создать основной высший орган — «европейскую конференцию» для обсуждения возникающих вопросов, а также исполнительный орган — «постоянный политический комитет» для принятия решений с секретариатом и аппаратом для разработки и ведения повестки дня.

Цели и задачи были очерчены широко: от таможенных вопросов до научных и политических обменов. Но главное, что проходит красной нитью через весь меморандум: сохраняется абсолютный суверенитет и политическая независимость всех государств-участников Союза, которые одновременно должны быть членами Лиги Наций. А сам Союз функционирует под эгидой Лиги Наций и ни в коем случае не конкурирует с ней.

С точки зрения права фактически всё свелось к международной организации конфедеративного типа, лишенной собственных компетенций. А. Бриан направил Меморандум на заключение европейским правительствам. Однако они в конечном счете «похоронили» паневропейскую идею даже в «беззубой» редакции Меморандума. Причин было несколько. Но основные — глобального порядка:

- мировой кризис 1929 г.;
- приход к власти в Германии национал-социалистов;
- напряженная международная обстановка (агрессия Японии против Китая);

⁹ Одной из основных идей Меморандума заключалась в стремлении А.Бриана обезопасить Францию от её «вечного обидчика» – Германии путем включения этой страны, как равноправного участника в предлагаемый к созданию «Паневропейский союз». Именно А. Бриан ввел в политический лексикон термин «европеизация» Германии, который обрел второе рождение в 1990-е гг. после объединения ФРГ и ГДР.

- решительный отказ Англии (и Италии, кстати) поддержать «паневропейскую идею». А Англия тогда была ведущей мировой державой;
- негласное сопротивление бюрократического аппарата Лиги Наций, которая усматривала в идеях Меморандума потенциального конкурента.

Европейская идея после Второй мировой войны

Основной особенностью развития «европейской идеи» после Второй мировой войны стала её практическая реализация в самых различных формах — от традиционного сотрудничества в рамках классических международных организаций до создания интеграционных группировок с элементами наднациональности и без них¹⁰. Сразу после Второй мировой войны сложилось два течения теоретической мысли развития международных отношений: реалистическое и идеалистическое.

Реалисты полагали, что государство в международных отношениях должно действовать и действует рационально, принимая решения от имени своих граждан в национальных интересах и учитывая при этом последствия принимаемых решений. Считалось априорным, что эти решения не могут причинить ущерб собственной стране. Наиболее видный представитель реалистов послевоенного периода Г. Моргентау понимал под национальными интересами усиление экономической и политической мощи государства, как инструмента укрепления его позиций на международной арене даже в ущерб другим государствам¹¹. При этом национальные интересы толковались широко, а эффективность их действия — в долгосрочной перспективе.

¹⁰ В тот период под интеграцией понимали международное сотрудничество не столько в целях объединения коллективных усилий участников интеграционного процесса для решения определенных и общих для всех из них задач, сколько для достижения тесного единства с помощью формирования институциональной системы квазигосударственного типа.

¹¹ Г. Моргентау, немецкий юрист-международник, эмигрировавший в США в 1937 г., считается одним из ведущих теоретиков международных отношений XX в. Ему принадлежит идея о том, что понятие «политическое» представляет собою качество, а не содержание, и как таковое способно быть присущим любому аспекту международной жизни. Проблему отстаивания национальных интересов, как политической необходимости и морального долга, он детально рассмотрел в своей работе: Н. Morgenthau, “In defense of national interest. A critical examination of American foreign policy”, N.-Y., 1951. Исходя из своей концепции «политического» и первичности национальных интересов, он в этой своей работе усматривал в идеологии и революционной риторике СССР «инструмент российского империализма» – (op. cit., p.69 ets).

В качестве примера правильности такого подхода ссылались на «План Маршалла». Первоначально многие американцы считали, что США, принимая его, идут на слишком большие уступки европейцам в экономическом плане. Но «реалисты» настаивали на том, что политические интересы США выиграют от осуществления этого «Плана» в гораздо большей степени, чем если бы приоритет был отдан «экономическим затратам». И действительно, США в соответствии с ожиданиями и намерениями своих лидеров той эпохи достигли уже на том этапе политической и экономической гегемонии во всём мире.

Другое течение политической мысли в международных отношениях принято считать идеалистическим, «утопическим», а сторонников этого течения — утопистами». Они придерживались взглядов «либерального интернационализма». По их мнению, стремление одних государств использовать своё политическое и экономическое превосходство для удержания любой ценой мирового лидерства чревато усилением агрессивности в международных отношениях и к ответным мерам со стороны других государств. Поэтому государства должны учиться сотрудничать друг с другом, жертвуя своими сиюминутными интересами во имя взаимного процветания всего сообщества государств в долгосрочной перспективе. Инструментом для этого они считали создание международных организаций, в рамках которых на основе принципа «верховенства права» будет развиваться демократия, что позволит уменьшить угрозу возникновения новой войны. На образ мышления «идеалистов» большое влияние оказал печальный опыт межвоенного периода, когда в Европе появилось множество диктаторских тоталитарных режимов, жертвами которых стали либеральные демократии и которые проповедовали воинствующий милитаризм. Многие на Западе в тот период считали, что угроза агрессии исходит и от СССР.

Чтобы предотвратить и то, и другое, и «идеалисты», и «реалисты», несмотря на взаимные противоречия, были едины в одном — для решения политических и экономических проблем европейцы должны объединить свои усилия путем создания «региональной международной организации»¹².

¹² Следует отметить, что «реалисты» считали аморальным и контрпродуктивным действовать в международных отношениях и строить отношения с другими государствами на основе утопических, идей. Н. Morgenthau, *op. cit.*, p. 34. На русском языке о его теории «политического реализма» см., напр., «Теория международных отношений. Хрестоматия» / Ред. П.А. Цыганков. М., 2002. С. 72 и сл.

Федерализм и функционализм

После окончания Второй мировой войны во второй половине 1940-х гг. в Европе наступила эпоха бурного роста международных организаций. В том, что касается идеологических платформ этих организаций, то здесь возобладала 2 направления: федерализма и функционализма¹³.

Федералисты считали, что государства Западной Европы, ослабленные войной, должны объединиться в политический союз, чтобы оказывать друг другу взаимопомощь в интересах коллективной безопасности, поскольку угроза войны «домокловым мечом» висела над ними в условиях начавшейся холодной войны.

Одним из первых идею федеративного устройства послевоенной Европы с писаной конституцией, единым правительством, парламентом, единой судебной системой и армией выдвинул участник итальянского движения сопротивления коммунист А. Спинелли (1907-1986 гг.). В экономическом аспекте цель федерации должна была заключаться в том, чтобы мобилизовать ресурсы и промышленный потенциал её государств-членов и стимулировать развитие их народного хозяйства по пути модернизации и процветания. В институциональном плане государства-члены должны были создать властную структуру на федеральном уровне, которая бы контролировала определенные экономические рычаги в интересах наиболее эффективной реализации основных задач коллективной безопасности. Государства-члены сохраняют контроль над национальными сферами общественной жизни, которые не являются важными для «общих усилий» Но отказ государств-членов от некоторых элементов своего суверенитета в пользу «федерального правительства» приобретает решающее значение, так как они будут вынуждены подчиняться «общим решениям».

В этой связи следует упомянуть о Гагском Конгрессе 7-10 мая 1948 г. под председательством У.Черчилля, посвященном объединению Европы на «наднациональных началах». В нём приняли участие около 800 выдающихся политических и общественных деятелей того времени, а в заключительном коммюнике предлагалось создать Европейскую Ассамблею и европейский Суд по правам человека. Для данной же темы интерес представляет и тот факт, что Конгресс провозгласил «концепцию делимости суверенитета». Со-

¹³ При этом важно отметить, что федералистское движение поддерживали неправительственные организации и известные политические и государственные деятели того времени в личном качестве, а функционализм зародился в недрах официальных государственных структур.

гласно его политической резолюции «... настал час для народов Европы передать... (на федеральный уровень) некоторые из своих суверенных прав для их осуществления сообща в интересах координации и развития ресурсов каждого из них»¹⁴.

Подобно «идеалистам» «федералисты» верили, что политические лидеры будут единодушны во мнении о предотвращении войн посредством объединения военных ресурсов их стран под эгидой политического союза, создаваемого для мирного решения вооруженных конфликтов.

Ближе всего к практическому осуществлению этой идеи страны Западной Европы подошли, разработав в начале 1950-х гг. проект создания так называемого «Европейского оборонительного союза» (ЕОС) и «Европейского политического сообщества» (ЕПС) в составе Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов. ЕОС представлял собой военную организацию, состоящую из многонационального контингента вооруженных сил стран-участниц под объединенным командованием. А структурные подразделения ЕПС должны были осуществлять демократический контроль над действиями многонационального контингента. Однако Национальное собрание Франции проголосовало в 1954 г. против ратификации учредительного договора ЕОС, и дальнейшее развитие европейской интеграции не пошло по пути реализации федералистских идей¹⁵.

Сторонники функционализма в отличие от федералистов не делали акцента на разделении политической ответственности между различными уровнями государственной власти. Они полагали, что в условиях разрухи и бедности послевоенной Европы на первое место должна быть поставлено решение проблемы выживаемости. И следовательно, необходимо действовать прагматически и начинать с решения экономических проблем. Общеизвестным лидером функционалистов считается натурализованный англичанин Дэвид Митрани¹⁶. Свои идеи, касающиеся создания международных организаций на принципах функционализма, он изложил в работах, относящихся к военному и сразу послевоенному периоду.

¹⁴ Цитируется по J.-V. Louis, "L'ordre juridique communautaire", Bruxelles, Luxembourg, 1988, p. 12.

¹⁵ Однако федералистское движение не прекратило своего существования. Созданная в сентябре 2010 г. так называемая «Группа Спинелли» при поддержке известных в прошлом политических деятелей ЕС, таких, как Ж. Делор, Й. Фишер, Д. Кон-Бендит проводит активную деятельность по «федерализации Европейского Союза».

¹⁶ Д. Митрани (1888-1975), румын по национальности, учёный, историк, создатель теории функционализма в международных отношениях.

Он был заинтересован не в функциональной интеграции европейских государств, как таковой, а в создании международных организаций, участники которых объединили бы свои усилия для выполнения специальных, в первую очередь социально-экономических задач, решение которых способствовало бы быстрейшему налаживанию мирной жизни и стабилизации международных отношений. Речь шла прежде всего о помощи беженцам, о борьбе с бедностью регулированию воздушного сообщения, создании и осуществлении здравоохранения на международном уровне, о разработке эффективных методов ведения сельского хозяйства и т.д.

Членами этих организаций должны были стать страны различных континентов, а не какого-либо конкретного региона. Другими словами, Д. Митрани имел в виду международное сотрудничество в рамках традиционных межправительственных организаций, создаваемых, может быть, даже временно для решения ограниченного круга проблем, прежде всего социального характера, что вполне соответствовало духу времени. Он был противником федеративных проектов по типу Р. Куденхова-Калерги, поскольку считал их «иллюзорными», оторванными от социальной реальности и неспособными быстро и эффективно восстановить мир, который он понимал шире, чем простое отсутствие войны. Ключевым инструментом реализации своей системы мира с превалирующими элементами социальной справедливости он считал международные агентства, которые должны были решать путем сотрудничества социально-экономические и политические проблемы и которым государства передавали бы часть своих функций и властных полномочий. И сфера действия такого сотрудничества должна была бы постепенно расширяться, охватывая постепенно различные области общественной жизни.

В целом, можно выделить следующие основные положения функционализма Д. Митрани:

- Функции международной организации определяют её организационную структуру. Общая формула функционализма гласит: форма есть производная функции. Другими словами, структурные и институциональные положения каждой организации должны вытекать из характера её функций таким образом, чтобы наиболее эффективно осуществлять эти функции с целью реализации общих интересов государств-участников данной международной организации. Область же этих общих интересов, а вместе с ней и необходимость сотрудничества для удовлетворения общих потребностей выявляются в процессе трансграничной деятельности международных организаций.

Д. Митрани называл это явление «естественным отбором интересов»¹⁷.

- Разграничение политических и технических функций международных организаций. Этот тезис играет существенную роль в теории Д. Митрани. Он предлагал чётко разграничивать техническую и политическую стороны деятельности международных организаций. Сферу технических проблем он считал функциональной и настаивал на её расширении в ущерб политических аспектов деятельности международных организаций. Он был убежден, что техническая сфера характеризуется безконфликтностью и в ней легче достичь соглашения и осуществлять сотрудничество. Политическая же сфера по определению конфликтна и порождает противоречия из-за суверенности государственной власти, фактора, тормозящего международное сотрудничество. Поэтому с его точки зрения международные организации должны быть деполитизированы благодаря развитию своей экономической функции, которая, как он полагал, носит технический характер и в силу этого должна быть изъята из-под контроля правительств. Соответственно, решающую роль в реализации этой функции должны играть эксперты, а не политики, участие которых может иметь скорее отрицательные последствия.
- Экспансионизм функциональных задач. Согласно этому принципу функции международных организаций, охватывающие сперва ограниченную область осознанных общих потребностей и существующих возможностей международного сотрудничества, обнаруживают «самопроизвольную тенденцию к экспансии и расширению, как количественному — вширь, так и качественному — в смысле уровня интенсивности сотрудничества». Этот принцип «самопроизвольного функционального разрастания», названный позднее Э. Хаасом «эффектом лавины», сыграл решающую роль в развитии интеграционных процессов в 3. Европе.
- Перенос лояльности физических лиц с государств на более широкие наднациональные и функциональные объединения. Д. Митрани исходил из предположения, что по мере расширения сотрудничества экспертов в разрешении неполитических проблем, возникающие между ними личные, интеллектуальные и бытовые связи, совпадение конкретных целей и интересов будут создавать внутри этих специализированных

групп новую лояльность, более сильную, чем их лояльность к собственному государству. И таким образом, расширение сферы функционального сотрудничества и непосредственных контактов между членами экспертных групп, а не между членами правительств, будет способствовать тому, что на месте национального государства возникнет новое трансграничное сообщество. И как следствие этого, суверенитет — основной атрибут национального государства и в качестве такового — барьер на пути удовлетворения общих потребностей, — окажется лишенным своего содержания.

- Обеспечение мира путем постепенной ликвидации государственного суверенитета. Из выше сказанного непосредственно вытекает общий принцип постепенного отмирания государственного суверенитета, как основного препятствия установлению всеобщего мира. По мнению Д. Митрани именно такой подход, связанный с постепенным созданием экономических и социальных предпосылок в рамках международных организаций и уменьшением политической роли государств в международном сотрудничестве, способен обеспечить достижение прочного мира в долгосрочной перспективе.

Таким образом, Д. Митрани придавал исключительно большое значение экспертному сообществу в развитии и расширении сферы действия интеграционных процессов за счёт уменьшения политической роли государства, как основного участника международных отношений.

Нам, живущим в эпоху глобализации, остается только восхищаться провидческим даром Д. Митрани¹⁸. Его концепция функционализма, разработанная в конце 1940-х гг., остается актуальной и в наши дни. А в тот период, точнее в начале 1950-х гг. она легла в основу практической реализации региональной западноевропейской интеграции.

Неофункционализм

Идеи Д. Митрани послужили теоретической основой для развития «региональной функциональной интеграции» на Европейском континенте. Их начал воплощать в жизнь, как это ни покажется парадоксальным, французский виноторговец Ж. Монне (1888-

¹⁷ Цитируется по В. Моравецкий. «Функции международной организации». М., 1976. С. 81.

¹⁸ Роль государства в конце XX – начале XXI вв. в международных отношениях существенно уменьшилась. Причём, не только в связи с усилением значения международных организаций, как участников миро-хозяйственных связей, но и в связи с их существенным влиянием на внутривнутриполитическую и социально-экономическую жизнь государств.

1979 гг.), благодаря кипучей деятельности и многочисленным политическим и деловым связям которого по обеим сторонам Атлантического океана была создана на основе Парижского договора и начала функционировать с июля 1952 г. первая интеграционная международная организация в составе Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга — Европейское Объединение Угля и Стали» (ЕОУС). Он был общепризнанным «гением практического решения насущных проблем послевоенной Европы и в первую очередь — экономических»¹⁹.

Подобно Д. Митрани он считал, что государства, столкнувшись с невозможностью решать свои социально-экономические проблемы в одиночку, вынуждены будут пойти на делегирование части своих суверенных прав международной организации. Его конечной целью было создание региональной европейской федерации. Инструментом для достижения этой политической цели должно было служить тесное торгово-экономическое сотрудничество стран-участниц. Другими словами, он предлагал достигать целей высокой политики средствами низкой политики, как он называл сотрудничество в торгово-экономической сфере.

Конкретная проблема, которую Ж. Монне предлагал решить путем создания ЕОУС, заключалась в разработке международно-правовых механизмов регулирования добычи угля и производства стали, чтобы, кроме прочего, контролировать экономический потенциал Германии — агрессора, развязавшего Вторую мировую войну²⁰.

Идея Ж. Монне была «озвучена» в 1950 г. Р. Шуманом, министром иностранных дел Франции того периода. И потому получила название «Плана Шумана». Ж. Монне стал первым председателем «Верховного органа» (Haute Autorite) ЕОУС, деятельность которого носила наднациональный характер.

¹⁹ О многочисленных препятствиях политического, экономического и психологического порядка, которые ему пришлось преодолевать на пути практической реализации «европейской идеи», он пишет в своих мемуарах. Русский перевод см. Ж. Монне «Реальность и политика». М., 2001. На люксембургской встрече «Европейского Совета» 1-2 апреля 1976 г. ему присвоено Звание почетного гражданина Европы.

²⁰ Любопытно, что корейская война 1950-1953 гг. стимулировала экономическую эффективность деятельности ЕОУС благодаря спросу на сталь и источники энергии. Не последнюю роль сыграла и институциональная система ЕОУС, которая сумела обеспечить успешное регулирование рынков угля и стали государств-членов, что дало толчок их экономическому процветанию, и в первую очередь Германии.

Вскоре Ж. Монне предложил идею наряду с этой «одноцелевой организацией» создать «многоцелевую интеграционную организацию». Реализовать эту идею взялись страны Бенилюкса в 1955 г. В результате в 1957 г. были подписаны два Римских договора о Европейском Экономическом Сообществе (ЕЭС) и ЕВРАТОМе. Договоры были ратифицированы и с 1 января 1958 г. вступили в силу. Так в Европе к концу 1950-х гг. появились и начали функционировать три интеграционные группировки.

Но именно ЕОУС послужило основой для дальнейшего развития теории региональной интеграции американским политологом Э. Хаасом. Он проанализировал опыт деятельности этой организации за ряд лет и разработал доктрину неофункционализма.

Доктрина неофункционализма

На основе проведенного анализа Э. Хаас пришел к выводу, что достижение широких экономических целей в рамках интеграционных группировок возможно лишь с помощью политических рычагов. В своих теоретических построениях он, тем самым, фактически, опирается на постулаты, как федералистов, так и функционалистов и придает им качественно новое значение. Вот квинтэссенция его идей:

- эффект лавины (spill-over effect);
- наднациональность.

Под «эффектом лавины» Э. Хаас понимал, исходя из необходимости развития организации, распространение успеха, достигнутого в одном секторе экономики, в данном случае угля и стали, на другие отрасли производства и сферу услуг. При этом ресурсы для стимулирования данного процесса черпаются внутри самой организации.

Однако эффект лавины не обладает потенциалом саморазвития. Для его реализации необходимы политическая воля и инициатива. И хотя государства-члены остаются важными участниками интеграционного процесса, не они определяют основные направления его развития и степень последующих его изменений. Решающую роль призвано играть руководство самой интеграционной организации. Оно, во-первых, определяет идеологию организации, и во-вторых, формирует бюрократический аппарат, разделяющий идеологию руководства, в рамках которого осуществляются «транснациональные контакты» политических элит государств-членов с целью выявления общих проблем и отыскания «высшего общего интереса». Тем самым политические элиты научаются определять национальные интересы с позиций и в рамках наднациональных институтов, которые оказываются в конечном счете более подходящими для эффектив-

ной реализации национальных интересов государств-участников, чем их собственные национальные властные структуры.

Такой подход позволяет при принятии решений достичь наднациональных результатов в неофункционалистском смысле. Подытоживая сказанное о неофункционализме, отметим следующее:

- в экономическом аспекте эта доктрина берет у функционализма стремление сконцентрироваться на сотрудничестве для решения конкретных народнохозяйственных задач;
- в политическом аспекте в ней делается акцент на взаимодействии национальных политических элит. Они стимулируют развитие интеграции, которая в свою очередь помогает им определять и формулировать национальные государственные интересы, не с национальной точки зрения, а с точки зрения общего высшего интереса, то есть с позиций наднациональности. И как следствие этого политические элиты государств-членов по мнению Э. Хааса приходят к выводу, что для реализации общих высших интересов более подходят наднациональные институты, а не национальное государство.

Следует подчеркнуть, что на первых этапах развития западноевропейской интеграции доктрина неофункционализма оказалась очень эффективной. Практическим результатом её применения в институциональном плане стало создание в 1970-х гг. «Европейского Совета», основного директивного политического органа ЕС, который и по сей день играет ведущую роль в принятии стратегических решений Союза.

Доктрина межгосударственности (интерговернаментализма)

Итак, в основе доктрины неофункционализма лежал тезис о динамичной передаче компетенций государств-членов на «наднациональный уровень», то есть органам Европейского Союза. Однако практика осуществления интеграционных процессов показала, что этот тезис «не работает». Конфликт между Францией и Комиссией ЕС в 1965/66 гг. наглядно продемонстрировал, что государства-члены не готовы расставаться со своими суверенными полномочиями, а потому квазиавтоматическое развитие интеграции в Европе невозможно и соответственно именно от них зависит эффективность её реализации. Как следствие, доктрина неофункционализма подверглась серьезной критике, которая сводилась в основном к следующему:

- государства-члены, преследуя собственные национальные интересы, стремятся лишь к сотруд-

ничеству в краткосрочной перспективе, приносящему лишь относительные, а не абсолютные выгоды;

- интеграция возможна только на уровне «низкой политики». В области «высокой политики» эффект лавины не реализуем, так как здесь речь может идти лишь об абсолютном суверенитете, особенно в том, что касается вопросов национальной безопасности;
- в контексте «низкой политики», неразрывно связанной с экономической взаимозависимостью, Европейский Союз путем интеграции создаёт более детально разработанный «международный режим регулирования», определяемый, как совокупность общих норм, институтов и политик, который позволяет государствам-членам более эффективно решать проблемы в ряде отдельных секторов народного хозяйства, таких, как торговля, сельское хозяйство и т.д. Так что понятие «совместный суверенитет», разработанное федералистами, не умаляет роли государства, а наоборот, усиливает её, помогая адаптироваться к воздействию внешних факторов;
- таким образом, роль национальных правительств и национальных элит имеет решающее значение для развития интеграции: только их политическая воля к компромиссу делает возможной интеграцию. И они передают часть своих компетенций на наднациональный уровень лишь тщательно взвесив, соответствует ли это их интересам или нет.

Основываясь на этой критике, английский специалист по международным отношениям Э. Моравчик в начале 1990-х гг. сформулировал свою доктрину «либеральной межгосударственности» (либерального интерговернаментализма — liberal intergovernmentalism). В упрощенном виде в ней можно выделить следующие основные положения:

- в рамках созданной государствами международной организации (в данном случае ЕС) они реагируют на возникающую дополнительную взаимозависимость путем разработки механизма регулирования взаимоотношений, которые позволили бы им минимизировать трансграничные издержки по типу затраты-выпуск. Тем самым интеграция становится результатом рационального расчета государств-членов, ориентирующихся на соотношение издержек и получаемых выгод;
- цели, которые преследуют участники процесса, являются результатом внутренних договоренностей и политики. Соответственно, при переговорах на национальном уровне предпочтение отдается тем национальным интересам, которые выявляются в

результате компромисса между доминирующими группами интересов.

Государства-члены при переговорах на уровне ЕС ориентируются на реализацию национальных интересов. Поэтому прогресс интеграции возможен только в том случае, если этому не противоречат влиятельные национальные интересы. При этом А. Моравчик подчеркивает, что для понимания степени готовности государства-члена к интеграции следует учитывать исторические условия его развития и той ситуации, в которой оно находится:

- развитие интеграционных процессов осуществляется благодаря компромиссам, достигаемым в результате переговоров между наиболее мощными государствами-членами.
- результат переговоров — часто компромисс на основе, так сказать, общего знаменателя. Как правило, это компромисс между крупнейшими державами, которые стремятся при этом в наименьшей степени поступиться своим суверенитетом.
- процесс переговоров на уровне ЕС ограничивается лишь «выторговыванием» взаимных уступок, поскольку прямое участие национальных институтов или граждан только бы усложнило достижение компромиссов.

Подытоживая сказанное о доктрине «межгосударственности», отметим, что, во-первых, эта доктрина служит теоретическим обоснованием продолжения внутренней политики государств-членов на уровне ЕС, во-вторых, компромиссы достигаются только на основе общих предпочтений наиболее сильных в политическом и экономическом отношении государств-членов, и в-третьих, основные решения на уровне ЕС принимаются Советом Министров, органом межгосударственным, а не европейской Комиссией или Европейским Парламентом, которые формально можно причислить к органам, обладающим наднациональным статусом²¹.

²¹ Следует отметить, что, если для теоретических построений неофункционализма Э. Хааса эмпирической основой служил опыт деятельности ЕОУС, то А. Моравчик в своей интеграционной модели «межгосударственности» опирался на практику принятия Единого Европейского Акта (ЕЕА). Во-первых, переговоры о его разработке проходили на межправительственной конференции. Во-вторых, решающую роль в формировании его содержания решающую роль играли «предпочтения» (preferences – термин А. Моравчика) государств-членов. В-третьих, влияние органов ЕС было незначительным. См., напр., A. Moravcsic, “Negotiating the Single European Act” in R. Keochane, S. Hoffman (eds), “The new European Community”, Boulder, 1991, p. 41 ff.; A. Moravcsic, “Preferences and power in the European Community. A liberal Intergovernmentalist Approach.” in: Journal of Common Market Studies, №4, 1993, p. 473 ff.

Своей доктриной А. Моравчик внес заметный вклад в теоретическую дискуссию между сторонниками неофункциональной и межгосударственной моделями развития интеграции, которая далеко не закончена. Его анализ выходит за рамки классического реализма и позволяет «открыть чёрный ящик» внутригосударственного политического процесса. Особого внимания заслуживает введенный им термин «внутриполитических предпочтений», который позволяет понять позиции национальных правительств и причины успехов межгосударственных переговоров на уровне ЕС. Не в последнюю очередь это связано с тем, что согласно модели «либеральной межгосударственности» по А. Моравчику переговоры направлены на достижение компромисса по поводу конфликта национальных интересов государств-членов, а сами эти интересы включают требования различных социальных слоёв к «своим» национальным правительствам. Другими словами, речь идет об улаживании конфликта между национальными интересами общества в целом, а не только государства.

Однако он использует внутренние отношения государств-членов, как инструмент анализа европейской интеграции, а не сами по себе. И с этой точки зрения его доктрина подверглась серьёзной критике. Прежде всего, его упрекали в том, что он, хотя и положил в основу своей доктрины внутренние отношения государств-членов, но оценивал их позицию в ЕС сквозь призму их центральных правительств и не учитывал различий в их политической и экономической жизни. А эти различия довольно значительны и очень важны для понимания решений, принимаемых государствами-членами на уровне Европейского Союза. Во-вторых, он недооценивал самостоятельную роль институтов ЕС и видел в них только структуры, создаваемые государствами-членами для стимулирования инициатив и влияния национальных правительств. Этот вывод ошибочен и не соответствует действительности. Как показывает практика, институты международных организаций и тем более институты ЕС живут собственной жизнью, имеют собственные интересы, генерируют собственные идеи, которые оказывают влияние на государства-члены, создавшие эти международные организации. Кроме того, он неправомерно ограничивает свой анализ процесса принятия решений только крупнейшими государствами-членами и только на конференциях на высшем уровне, совершенно игнорируя интересы малых стран и повседневную жизнь ЕС²².

²² Например, А. Моравчик полагал, что внутриполитические предпочтения крупных стран Германии, Франции, Англии в значительной большей степени повлияли на принятие ЕЕА, чем требования ряда малых государств-членов, например, Ирландии, об удвоении структурных фондов и

Критика доктрины «межгосударственности» вывела к жизни ряд новых теоретических подходов к объяснению интеграционных процессов в Европе. Эти подходы носят вторичный характер по отношению к рассмотренным выше основным доктринам — «неофункционализма» и «межгосударственности» — и пытаются выявить и обосновать связи между ними.

Одним из таких подходов стал так называемый «новый институционализм». В его основе лежат 2 постулата:

- институты представляют собой нечто большее, чем инструмент, создавших их общественных сил;
- институты призваны стимулировать взаимодействие политических сил.

Наиболее известной доктриной в этом аспекте является «исторический институционализм». Сторонники этого направления «нового институционализма», в отличие от А. Моравчика, рассматривают политику на уровне ЕС не как серию стратегических решений государств-членов на межправительственных конференциях, а как процесс, длящийся во времени с непредсказуемыми последствиями. Соответственно, наднациональные институты нельзя рассматривать, как интеграционные инструменты государств-членов. Эти институты являются структурами, независимыми от внешнего влияния государств-членов и способными самостоятельно воспринимать и перерабатывать положительный и отрицательный опыт интеграционных процессов и разрабатывать механизмы их дальнейшего развития во временной перспективе. Таким образом, действия государств-членов носят рамочный характер, содержание которых зависит от наднациональных институтов. И любые попытки «повернуть колесо вспять» встретят активное сопротивление наднациональных институтов. В конечном счете «исторические институционалисты» утверждают, что европейская интеграция и политические решения, принимаемые в этой связи, не являются продуктом предпочтений государств-членов, а потому их национальную европейскую политику нельзя интерпретировать, как результат взаимодействия внутренних предпочтений.

«Исторический институционализм» близок к неофункционализму благодаря подчеркиванию ведущей роли наднациональных институтов и тезису о самораз-

стран Бенилюкс а об институциональной реформе. Это не соответствует действительности. См.: "The member-States of the European Union". Eds. S. Bulmer, Ch. Lequesne, Oxford, 2005, p. 7. Что касается повседневной жизни ЕС, то, например, практика Суда ЕС часто идет вразрез с предпочтениями и интересами крупнейших государств-членов. Не учитывает он также сильного влияния на принятие решений такого политического инструмента, как лоббирование.

витии интеграции, что напоминает «эффект лавины». Важно и введение критерия времени. Тем самым предоставляется возможность проследить воздействие последствий интеграционных процессов в долгосрочной перспективе с точки зрения причинности.

В рамках «нового институционализма» получило развитие и диаметрально противоположное направление научных исследований, направленных на доказательство неослабевающей роли государств-членов в интеграционном процессе.

Речь идет о федеральной модели интеграции и проблеме баланса территориальных и функциональных интересов. Федералистские политические системы в наши дни имеют тенденцию к тесному переплетению различных уровней управления, что получило название «кооперативный федерализм». В условиях Европейского Союза суть этого понятия сводится к тому, что необходимо выявлять общее согласие институтов государств-членов по соответствующим проблемам на одном уровне и институтами ЕС — на другом. Исследования, касающиеся «кооперативного федерализма» позволяют кроме прочего выявить эффективность использования механизмов демократии в политических системах, поскольку на национальном уровне всё большее влияние приобретает тесное взаимодействие различных ветвей исполнительной власти (включая, кстати и экспертные сообщества) за счет контроля со стороны парламентов и общества в целом. Тем самым работы по федеральной модели ЕС позволяют изучать внутренние отношения государств-членов не только, как процесс, но и как «политический порядок». Сам же Европейский Союз согласно этой модели приобретает черты государства. Однако государства-члены не исчезают, а интегрируются в ЕС и осуществляют самостоятельные действия в сферах, где их суверенитет не затрагивается. По существу центральное место в данной доктрине занимает изучение многоуровневой системы управления ЕС и особенностям функционирования этой системы, а также рассмотрение вопросов о месте и роли государств-членов в процессе их взаимодействия с институтами ЕС.

Таким образом, не существует синтезирующей теории западноевропейской интеграции, которая объясняла бы все аспекты этого процесса. Однако рассмотренные выше в общем плане теории дают углублённый анализ отдельных аспектов интеграции, свидетельствующий о том, что государства-члены и ЕС, как организация, взаимно влияют друг на друга, как в положительном, так и в отрицательном смысле²³.

²³ Подробнее о теориях западноевропейской интеграции см., напр., А. Wiener, Th. Diez, (eds.) "European Integration

В положительном смысле можно, в частности, отметить явно проявляющуюся тенденцию к участию в интеграции на национальном уровне не только государства, но и всего общества в целом²⁴. Кроме того, эти теории стимулировали изучение процесса «европеизации» не только на уровне ЕС, но в первую очередь на уровне государств-членов. И в данном случае под «европеизацией» понимают влияние интеграции на содержание национальных политик, сам политический процесс и институциональные структуры. В этой связи внимание акцентируется прежде всего на условиях и факторах, которые могут объяснить эффективность «европеизации» в различных государствах-членах. Однако, как показывает практика, эффективность европеизации национальных политик и институциональных структур существенно отличаются в зависимости от государств-членов. И теоретический анализ данной сферы находится в зачаточном состоянии²⁵.

Среди отрицательных моментов, выявленных в результате теоретических исследований, я бы назвал многофакторное влияние на развитие интеграции, и особенно влияние внешних факторов, то есть со стороны третьих стран, что делает часто невозможным определить причину изменений в политике и регулировании соответствующих государств-членов: происходят ли они вследствие «европеизации» или каких-либо иных обстоятельств. К отрицательным моментам следует отнести и увеличение числа государств-членов с 15 до 27 с 2004 по 2007 г. И это делает процесс интеграции трудно управляемым, особенно если учесть, что многие из новых государств-членов не отвечают ни политическим, ни экономическим, ни юридическим требованиям ЕС.

theory”, Oxford, 2005; H.-J. Lauth, R. Zimmerling, (Hrsg), “Die Europäische Union. Theorien und Analysekonzepte”, Paderborn, 2005.

²⁴ Эта тенденция получила название «новое управление» (new governance). Суть этого понятия заключается в том, что отдельные социальные группы получают большую самостоятельность и горизонтальные связи между ними и координация действий между различными уровнями власти с их участием приобретает всё большее значение в модели управления государством и соответственно в интеграционных процессах, нежели традиционная иерархическая вертикаль власти. Другими словами, гражданское общество начинает играть всё большую роль в формировании политики интеграции на национальном уровне. Принципы «нового управления» на уровне ЕС включают: открытость, участие, ответственность, эффективность, взаимодействие. Подробнее см.: D. Chalmers, G. Davies, G. Monti (eds), “European Union Law”, Cambridge, 2010, p.352 ff.

²⁵ См., напр., H.-J. Lauth, R. Zimmerling, op.cit., S. 179 -180.

Существенно затрудняет разработку теории интеграции и неопределенность правовой природы Европейского Союза. В доктрине нет единого мнения на этот предмет²⁶. Так, в качестве субъекта международного права, ЕС является международной межправительственной организацией и в то же время он обладает элементами наднациональности. Он обладает автономным правопорядком, но не является государством. Благодаря переплетению в структуре и деятельности ЕС черт, характерных для федеративного и конфедеративного объединения государств, его называют «Союзом особого рода» и даже «политической системой» в том смысле, что ЕС в качестве таковой может заменять государство или сосуществовать параллельно с ним²⁷.

Словом, «многоликость» европейской идеи, которая стала проявляться при её практической реализации, свидетельствует о её прямой зависимости от развития международных отношений, как в ЕС, так и в мире в целом. В то же время вызванный международным валютно-финансовым кризисом кризис «евро», может быть, самый серьезный за всю историю существования ЕС, показал, что 55 лет интеграции не прошли даром. Несмотря на тяжелое экономическое положение и сильные протестные настроения в Ирландии и в Греции, народы обеих стран летом и осенью 2012 г (ирландцы на референдуме, а греки на повторных выборах в национальный парламент) высказались за продолжение своего участия в «зоне евро». Не является ли это подтверждением того, что «теория неофункционализма» при всех своих «взлетах и падениях» дает свои плоды?

²⁶ См., напр.: Th. Oppermann, Cl. Classen, M. Nettesheim, “Europarecht”, Muenchen, 2011, S. 21 ff.; M. Herdegen, “Europarecht”, Muenchen, 2010, S. 68 ff; S.Schmidt, W. Schuenemann, “Europäische Union”, Baden-Baden, 2009, S. 36 ff.

²⁷ Подробнее см. S. Schmidt, W. Schuenemann, op.cit., S. 45 ff. Авторы, ссылаясь на D. Nohlen (Hrsg), “Kleines Lexikon der Politik, 2002, Muenchen, S.403, дают определение политической системы, согласно которому «...имеющие тенденцию к достижению равновесия многочисленные, внутренне взаимозависимые элементы ... и процессы, действующие в различной социальной, культурной и экономической среде, объединяются с помощью политической системы посредством процессов взаимного проникновения».

Библиографический список:

1. Теория международных отношений. Хрестоматия / Ред. П.А. Цыганков. М., 2002. С. 72 и сл.
2. Моне Ж. «Реальность и политика». М., 2001.
3. Моравецкий В. Функции международной организации. М., 1976. С. 81.
4. The history of the idea of Europe (ed.by K.Wilson, J.van der Dussen). L., 1999. P. 99.
5. Chabot J.-L. "Aux origines intellectuelles de L'Union europe'enne". Grenoble, 2005. P. 43.
6. Morgenthau H. "In defense of national interest. A critical examination of American foreign policy". N.-Y., 1951.
7. Louis J.-V. "L' ordre juridique communautaire". Bruxelles, Luxembourg, 1988. P. 12.
8. Moravcsic. Negotiating the Single European Act // R. Keochane, S. Hoffman (eds), The new European Community, Boulder, 1991, p. 41 ff.
9. A.Moravcsic. Preferences and power in the European Community. A liberal Intergovernmentalist Approach// Journal of Common Market Studies. №4. 1993. P. 473 ff.
10. The member-States of the European Union". Eds. S. Bulmer, Ch. Lequesne. Oxford, 2005. P. 7.
11. Wiener TH. Diez, (eds.) "European Integration theory". Oxford, 2005; H.-J. Lauth, R. Zimmerling, (Hrsg), "Die Europaeische Union. Theorien und Analysekonzepte", Paderborn, 2005.
12. Chalmers D., Davies G., Monti G. (eds), "European Union Law", Cambridge, 2010, p. 352 ff.
13. Lauth H.-J., Zimmerling R. op.cit., S. 179-180.
14. Oppermann Th., Classen Cl., Nettesheim M. "Europarecht", Muenchen, 2011, S. 21 ff.; M. Herdegen, "Europarecht", Muenchen, 2010. S. 68 ff.
15. Schmidt S., Schuenemann W., "Europaeische Union", Baden-Baden, 2009. S. 36 ff.
16. Nohlen (Hrsg) D. " Kleines Lexikon der Politik, 2002, Muenchen. S. 403.

References (transliteration):

1. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. Khrestomatiya / Red. P.A. Tsygankov. M., 2002., P. 72.
2. Zh. Mone « Realnost i politika». M., 2001.
3. V.Moravetskiy. Funktsii mezhdunarodnoy organizatsii. M., 1976. P.81.